

На подступах к общеевропейской науке? ¹

Денн М. (Университет Бордо Монтень)
Гоготишвили Л.А. (ИФ РАН)

Аннотация: На основе работы совместной французско-русской исследовательской группы «*Русская и западноевропейская культуры: дифференциальные и интегральные аспекты*» (2010-2015) описаны условия достижения общеевропейской науки и общеевропейской гуманитарной эпистемологии, отмечены препятствия на пути к достижению этой задачи.

Ключевые слова: Общеевропейский контекст, глобализация и специфические культуры, личностное и родовое, степени и формы универсализации культуры, интернаука, общеевропейская гуманитарная эпистемология.

Мы рады приветствовать вас сегодня в рамках нашей конференции, которая одновременно завершает два проекта: 1) пятилетнюю научную программу ДГНА (MSHA) «*Европейские идентичности в контексте глобализации*» («*Identités européennes et espaces mondialisés*») и 2) пятилетнюю работу совместной французско-русской исследовательской группы «*Русская и западноевропейская культуры: дифференциальные и интегральные аспекты*» (2010-2015), проводившуюся в рамках научной программы Дома Гуманитарных Наук Аквитании, с поддержкой программы ACCES министерства высшего Образования Франции². Все постоянные члены совместной группы принимают участие и в настоящей заключительной конференции.

Как явствует из названия конференции, она задумана с учетом сложившейся амбивалентной ситуации с гуманитарными науками в сегодняшнем европейском контексте, когда, с одной стороны, к культурному наследию Европы присоединились (после падения советского режима) те части русской и других культур, которые оставались скрытыми для Запада в течение более полувека, и, с другой стороны, когда сами фундаментальные основания европейской культуры оказались перед вызовом глобализации. Мы осознаем, таким образом, что собрались в сложное для философии (и не только) время и что поэтому наш диалог не свободен от пронизывающих его внутренних напряжений. Тем не менее мы надеемся показать на нашей конференции, что Европа имеет все возможности для того, чтобы справиться с разнонаправленными внутрикультурными вызовами. В связи с этим, на конференции прежде всего представлены такие области знания, в которых фиксируется формирование причин, условий и тенденций, способных привести к необходимому обновлению гуманитарных наук в Европе (мы будем затрагивать сферы философии, эпистемологии, социо- и психолингвистики, права и юридических наук).

¹ Текст представляет собой расширенный доклад на пленарном заседании, открывший в порядке введения к общей проблематике международную конференцию «*В ответ на вызовы европейских стандартов. Западные и российские взгляды на нормативные дискурсы в гуманитарных и социальных науках*» (2 декабря 2015 года, Бордо, Франция). М. Денн — организатор конференции (вместе с Olivier Dubos и Alain Viaut, все — Université Bordeaux Montaigne et Université de Bordeaux). Л. Гоготишвили (ИФ РАН) — один из членов Научного комитета конференции.

² Постоянные члены совместной группы: с французской стороны — Денн Мариз (Университет Бордо 3, руководитель группы), Ларюэль Франсуа (Университет Париж X), Сэрс Филипп (Колледж святого Бернарда, Париж), Анна-Франсуаза Шмид (Национальный Институт прикладных наук (Лион), Мамбрини-Дуде Мюриэль (Франция, INRA, présidente du Centre INRA de Jouy-en-Josas). С русской стороны — Гоготишвили Людмила (Институт философии РАН, Москва, координатор группы), Хоружий Сергей (Институт философии РАН, Москва), Козырев Алексей (МГУ, Факультет истории Философии, Москва), Троицкий Виктор (Библиотека-Музей «Дом Лосева», Москва), Зенкин Константин (Московская государственная консерватория (университет) имени П.И. Чайковского).

Этой конференцией мы хотим показать также, что русская философия жива. Она отличается как своей издавна сформированной специфичностью, так и своим актуальным участием в становлении обновляющихся основ гуманитарных наук в Европе. И для России как части Европы ее сложившаяся внутренняя ситуация не проста. Рефлексия европейцев над собственным амбивалентным контекстом позволяет с тем большим пониманием отнестись к идущей в России дискуссии о выборе взвешенного отношения к своему философскому наследию и об адекватном восприятии своего сегодняшнего философского состояния. Это перекликается со сходными процессами, протекающими в Европе, не исключая и Францию. Известно также, что в России звучат и критические ноты по отношению к западной культуре. И наоборот, философское наследие России сегодня нередко подвергаются деконструкции не только у себя на родине, но и — это тоже хорошо известный факт — на Западе. Можно при отметить, что в западных критических рецепциях практически всегда отмечается наличие своеобразного, способного к регенерации интеллектуального ядра русской культуры, которое имеет свое особое, исторически сложившееся соотношение с фундаментальными основаниями европейской культуры. Это ядро русской философии и его возможная связь с основаниями европейской культуры как раз и представляет для Европы особый интерес. Несмотря на то, что русская философия на сегодняшний день далеко не едина в-себе и для-себя, по-разному оценивая свое наследие и свое современное состояние, извне себя, для Европы, она жива как некая целостность в двух или трех ипостасях — исторической, современно-русской и общеевропейской. И мы хотим показать на конференции, что нет никаких реальных оснований для их противопоставления и/или выбора и развития одной в ущерб другой.

Мы отнюдь, таким образом, не предлагаем смотреть на все обсуждаемые проблемы глазами Европы, пригласившей Россию «в гости» или «на обсуждение», мы предполагаем совместно взглянуть нашим взаимообогащенным общеевропейским взглядом на современные вызовы, стоящие перед культурой Европы в целом. .

Такой подход уже доказал свою плодотворность, в том числе в рамках работы вышеупомянутой совместной француско-русской группы. Благодаря подключению к культурному европейскому наследию тех элементов русской культуры и русской действительности, которые оставались неизвестными западноевропейским исследователям в течение нескольких десятилетий, и — одновременно — возобновлению диалога между современными исследователями России и стран Западной Европы (здесь речь идёт прежде всего о Франции) открылась возможность подойти к разработке новых гипотез об эпистемологических основах развития наук в Европе в целом, т. е. к определению пространства, границ и форм того, что можно было бы называть «(обще)европейской наукой» [La « science de l'Europe »] (в частности, в работах Ф. Ларюэля, А.-Ф. Шмид, Мамбрини-Дуде Мюриэль, В.П. Троицкого). Открылись также перспективы для разработки некоторых новых параметров общеевропейского гуманитарного мышления (М. Денн, С. Хоружий, А. Козырев), общеевропейской эпистемологии (Л. Гоготишвили, С. Хоружий, М. Денн, А. - Ф. Шмид), общеевропейской эстетики (Ф. Сёрс, К. Зенкин).

С методологической точки зрения такая реальная продуктивность стала возможна в том числе и потому, что наши обсуждения на конференциях и семинарах принадлежат к тем случаям диалогов, когда в лоне европейской культуры появляются голоса, которые, с одной стороны, доносятся как бы «извне» (т.е. или из других стран континента, бывших временно отделенными от Западной Европы определённым политическим контекстом, или даже из неевропейских стран), но которые, с другой стороны, сами изначально пропитаны базовыми европейскими влияниями. Именно в рамках таких диалогов между исследователями из стран с отличающимися по «фазам» и содержанию формами участия в становлении единой для них европейской культуры может быть осуществлен новый общенаучный и эпистемологический разворот гуманитарных наук, который сам во многом может быть понят как более или менее радикальное переоткрытие «матричных» основ и потенциалов развития европейской культуры. Достижение возможности такого продуктивного диалога, по-новому комбинирующего и актуализирующего общие элементы прошлого, требует от его участников взаимной открытости, толерантности, но также хорошего и точного знания того, что изначально извне питало европейские науки и давало им импульс к развитию. Одновременно требуется и готовность к релятивизации своих представлений — не только в целях расширения поля

понимания между разными конкретными европейскими культурами, но и для того, чтобы обрести возможность сопоставить достижения европейских научных дисциплин с новыми открытиями науки в ее более широком — мировом — контексте. На наш взгляд, источник и условие продуктивности нашего диалога в поисках обновления общеевропейских подходов — это умение выявлять и отделять специфически характерные элементы, происходящие из какой-либо конкретной культуры (из её собственного исторического развития), от элементов, являющихся отдаленными результатами предшествующих европейских влияний на эту культуру. Такие элементы, впитанные другой культурой и другим языком, получили в этом не западноевропейском контексте соответствующую ориентацию и специфичность. Именно такого рода процессы и интересуют нас с вами:

- Каким образом и какими конкретными путями это преобразованное влияние возвращается в Европу? И в какую именно Европу оно возвращается?

- Что именно тогда — при подключении этих вновь возвращающихся и трансформированных смыслов — должны мы иметь в виду, когда говорим о «Европе» и об «общеевропейской науке»?

- Каким — наверняка различным — образом данное культурное явление воспринимается сегодня западноевропейскими и не западноевропейскими исследователями?

И ближе к нам:

- Как отличается восприятие тех или иных сегментов русской культуры, вошедших в общеевропейский оборот, в самой России и на Западе? Например, чем и насколько различаются интерпретации имяславия, русской фонологии, русской теории множеств, бахтинских идей, современной гуманитарной ситуации в России и т.д.? Что дает или может дать контаминация этих восприятий или их полное разведение?

- Какие последствия это внедрение возвращающихся в Европу, но трансформированных смыслов может иметь или уже имеет для развития наук в общеевропейском контексте и в контексте разных культур?

Нам представляется, что в этой зоне скрещения современных межкультурных и междисциплинарных тенденций образуется новый по своему типу гордиев узел окказионального и узуального, или индивидуально-личностного, национально-культурного, родового, общеприродного и универсального.

Если так, то перед нами встают все новые и новые проблемы.

— Становится ясно, что для понимания ситуации с понятием общеевропейской культуры и/или науки недостаточно бинарных оппозиций и что здесь придется, вероятно, выстраивать своего рода «лестницу универсальности». По типу, например, *лестницы именитства* и *лестницы символов* второй, третьей и т.д. ступеней у Лосева или по типу лестницы модификаций (или «матрешки») Гуссерля, который разделял разные ступени модификации своего предмета разными актами сознания (*«Все обсуждавшиеся... модификации доступны для образования все новых и новых ступеней, так что даже и интенциональности в ноэзисе и ноэме поступенно надстраиваются друг над другом или же, скорее, единственным в своем роде способом вставляются друг в друга»*³). Или — совершив полный оборот источников — по типу «лестниц Ларюэля», например, лестницы нисходящего клонирования от радикальной «общечеловеческой» имманентности — через многоступенчатое поле трансцендентального — к трансцендентному.

— Как изменится при таком лестнично-ступенчатом подходе понятие *родового*? Оно может в таком случае интерпретироваться и как родовое свойство той или иной частной культуры, и как родовое свойство того или иного типа культуры (европейского, напр.), и как родовое свойство человеческого как такового.

— Что происходит при таком скользящем уровне интерпретации родового и универсального в случае пересечения разных, по-своему уникальных европейских культур с *междисциплинарностью* — в том смысле, в каком её понимают в западноевропейских странах? Релятивизируется ли она, т.е. теряет ли свое качество универсальности, приобретая характер родового явления в его частно-культурном смысле?

³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. пер. с нем. А. В. Михайлова. М., 2009, с. 225

Если в естественных науках «междисциплинарное», будучи приближенным к универсалиям, имеет при скрещении разных культур шансы к сохранности своего статуса, то что происходит с науками гуманитарными, относительно которых признается, что они обладают уникальными национальными чертами? Или иначе: как возможна и возможна ли гуманитарная междисциплинарность и — в пределе — гуманитарная интернаучность?

— Еще одна, отдельная и замкнутая на себя зона стоящих перед нами проблем: что происходит при обозначенном выше новом типе скрещенния «старых» (общеевропейских) элементов разных культур с гуманитарной эпистемологией? Одно ли и то же — родовая и универсальная эпистемология? Возможно ли восхождение к «универсалиям универсалий» — к универсально-всеобщей ступени естественнонаучной и гуманитарной эпистемологий? Каковы теоретические, методологические и культурные последствия отождествления и/или разведения разных эпистемологий по частным культурам или типам культур?

— Какая связь существует между родовой как частно-культурной и родовой как универсально-человеческой эпистемологиями?

— Каким образом уяснение всех этих взаимосвязей поможет нам определить, что мы имеем в виду, когда говорим об «общеевропейской науке»? Правильна ли такая постановка вопроса? Не скрывается ли в этом вопросе какая-то другая проблематика — о логике проявления и развития разных культур в рамках Европы и/или об образовании специфичной модели, характеризующей уже саму Европу в целом и формы ее становления.

Ясно, что решение таких проблем невозможно найти только на основе самой западноевропейской философской традиции.

Диалог, который установился в последние годы в рамках нашей научной программы с коллегами-исследователями из разных стран, прежде всего из России (в специальной совместной группе), но также из других стран Европы (Бельгии, Швейцарии, Германии, Великобритании, Испании, Италии, Польши, Чехии, Украины) и из других стран и регионов мира (США, Израиля, Средней Азии, Ближнего и дальнего Востока) уже дал нам возможность несколько продвинуть вперед разработку этой проблематики.

В рамках уже проведенных конференций и семинаров, в том числе в рамках нашей совместной французско-русской группы, мы обратили особое внимание на новый исследовательский научный материал, который нам предоставила российская философия и российская наука посредством реабилитации творчества таких знаменитых представителей русской культуры, как Густав Шпет, Алексей Лосев, Павел Флоренский, Владимир Вернадский. Мы знаем, что в России — после периода всеобщего к ним внимания — все чаще раздаются критические голоса, принижающие роль многих представителей серебряного века, в том числе Лосева и Флоренского, а также возражающие против имяславия как такового. Есть претензии к такого рода направлениям и на Западе, но вместе с тем в этих направлениях имеется, на наш взгляд, весьма значимое и не теряющее актуальности смысловое ядро. Не вторгаясь в существо споров, скажем только, что своих ценителей на Западе нашла именно интеллектуально-операциональная сторона русского имяславия и символизма и что именно к ней, а не к непосредственно тематическим идеям этих течений, отыскивались разнообразные параллели в современной западной, в том числе и французской, философии, в частности, между имяславием и не-философией Ларюэля. Были намечены и многие другие черты сходства.

И обратно: поскольку в работе нашей совместной группы шел взаимообогащающий процесс, интерес к операциональным элементам русской интеллектуальной техники начала и середины века (Лосев, Флоренский, Шпет, Вернадский и др.) сопровождался интересом русских участников к тематической стороне современной французской мысли. В частности, понятие «родовое» фактически вошло в общий обиход участников совместной группы в его ларюэлевском смысле — как квинтэссенция общечеловеческого как такового и в этом смысле как универсального. Ларюэль говорит, что все *«мы ищем опыт человека как современного субъекта, равно соотносящегося и с философией, и с наукой — а также и с искусством и религией, т.е. мы ищем «родовой» опыт»*. Идеи русских философов легко сопоставить с подобным пониманием универсального как родового. Здесь основа взаимного инверсивного притяжения: радикально имманентное Реальное Ларюэля, т.е. тематический постулат, вступая в противоречие с трансцендентностью Реального в русской философии, с другой стороны, оказывается органичным родовым лоном для специфической операциональности русской

интеллектуальной техники. Можно наметить некое динамическое равновесие в этом тематически-операциональном контрапункте французской и русской культур и, как следствие (но, конечно, в порядке гипотезы), говорить об инверсивной взаимодополнительности русской и французской культур — разумеется, не в целом, а в их некоторых значимых сегментах.

Мы надеемся, что сегодняшняя конференция продолжит эту работу и достигнет в ней некоего промежуточного финала. Опираясь на реабилитированные современной наукой российские исследования и на современную русскую гуманитарную мысль, а также на некоторые современные французские исследования в области философии и эпистемологии, мы ставим перед собой определённую задачу: разработать — на основе междисциплинарности и в контексте пересечения разных культур — инновационные перспективы в области исследований научной идентичности Европы.

Этими словами наша конференция объявляется открытой.

Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie (Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology), 1913.

Towards a Common European science?

Maryse Dennes (Professeur des Universités, Université Bordeaux Montaigne, CEMMC)

Liudmila Gogotishvili (Institute of Philosophy RAS)

Abstract: On the basis of work executed by the mutual French-Russian group “Russian and West-European cultures: integral and differential aspects” (2010-2015) the paper describes the conditions, on which a Common European science and humanitarian epistemology may be created, as well as obstacles on the path.

Keywords: common European context, globalization and specific cultures, personal and generic, degrees and forms of universalization in culture, inter-science, common European humanitarian epistemology